

**Д. Р. Шарафутдинов
Екатеринбург**

Деривационно-синтетическое обеспечение продуктивной речевой деятельности: постановка проблемы

На современном этапе развития лингвистики принято разграничивать грамматические описания двух типов: с одной стороны, грамматики языковой системы, описывающие грамматический компонент языка как уровневое системно-структурного образования (классификационные грамматики), а с другой стороны, грамматики речевой деятельности, обеспечивающие активные и пассивные речевые действия (продуктивная и рецептивная грамматики соответственно) (см., например: [Белошапкина, Милославский 1988; Волков 1988; Милославский 2002; Норман 1978, 1994; Плотникова 1988]).

В настоящее время русистика не располагает полными системными описаниями грамматики русского языка, ориентированными на речевую деятельность. Существующие классификационно-грамматические описания, подчас весьма подробные, глубокие и тонкие, ориентированы на решение преимущественно теоретико-лингвистических или некоторых лингвометодических задач. Подобного рода исчерпывающие и последовательные грамматические описания, которые обеспечивали бы решение проблем, возникающих не только перед учеными в ходе соответствующих теоретических исследований или учащимися в рамках учебного процесса, но и перед участниками практической коммуникации — продуцентом и реципиентом речи — в условиях реального коммуникативного акта, в науке о русском языке пока не созданы.

Вместе с тем, отсутствие полноценных завершенных грамматик речевой деятельности совершенно не означает отсутствия “деятельностно-грамматического” подхода в русском языкознании. Так, в последние десятилетия в русистике значительное, хотя и пока явно недостаточное, развитие получило нетривиальное для отечественной лингвистической традиции направление грамматических исследований, опирающихся на идею построения грамматики современного русского языка на содержательном основании, описания грамматической системы языка по принципу “от значения к форме”. Это направление в русском

языкознании имеет различные названия, указывающие на те или иные аспекты грамматических исследований: “конструктивная грамматика”, “активная грамматика”, “идеографическая грамматика”, “продуктивная грамматика”. Первый вариант названия подчеркивает задачи конструирования, “создания (точнее, извлечения из океана языковых знаков) языковой единицы, обладающей набором точно заданных свойств” [Белошাপкова, Милославский 1988: 7]; второй вариант — принципиальную ориентированность грамматического описания на активные виды речевой деятельности — говорение и письмо (в противоположность грамматике для пассивных видов — аудирования и чтения); третий — двустороннюю природу (асимметричный дуализм) языковых знаков, а также связь грамматики и лексики; четвертый — направленность грамматики на продукцию (производство, порождение, синтезирование) одних языковых единиц от других (в противоположность грамматике рецепции, восприятия единиц) (подробнее о соотношении понятий, стоящих за рассматриваемой терминологией, см. [Белошাপкова, Милославский 1988: 7-10; Милославский 2002]). Все эти варианты номинации так или иначе отражают приоритеты и содержательную специфику грамматики, реализующей ономаσιологический подход к изучению языковых единиц и явлений, обеспечивающей переход от имеющейся в сознании субъекта активной речевой деятельности (адресанта, производителя речи) идеи, мысли, семантической структуры к ее максимально точному и адекватному коммуникативной ситуации выражению средствами русского языка. Речь идет о грамматике, принципиально ориентированной, во-первых, не на классификацию языковых фактов, а на речевую деятельность, и, во-вторых, не на любую, а лишь на продуктивную речевую деятельность — обеспечивающую продукцию слова, словосочетания, предложения и текста. Таким образом, основная цель этой грамматики — не только не “классификация имеющегося”, но и даже не “интерпретация уже представленного предложения и текста”, а исключительно “порождение нового с заданной семантической модификацией”, “создание своего собственного предложения и текста” [Милославский 2002: 28, 96].

Обсуждаемое продуктивно-грамматическое направление в русском языкознании как таковое окончательно оформилось в восьмидесятые годы двадцатого века в работах И. Г. Милославского, В. А. Белошапковой, Б. Ю. Нормана, В. В. Волкова, Т. В. Шмелевой и других исследователей, хотя следует заметить, что и сама идея создания продуктивной грамматики русского языка, и частные, фрагментарные грамматические описания “от значения” существовали и раньше, в рамках традиционной “классификационно-грамматической” парадигмы. Мысль о необходимости построения полноценной продуктивной грамматики особенно активно высказывалась учеными и педагогами в связи с решением теоретических и практических задач преподавания русского языка иноговорящим учащимся и автоматической обработки русских текстов.

Идеографический, ономаσιологический подход к изучению и описанию языковых знаков уже длительное время весьма успешно применяется в русской лексикологии и лексикографии, наукой накоплен серьезный опыт составления идеографических словарей. Эти факты создают дополнительный стимул для идеографических исследований в области грамматики, не имеющих столь давней традиции, но не менее важных — ведущих в конечном счете к созданию идеографической грамматики как полного системного ономаσιологического описания (моделирования) грамматического строя современного русского языка. В настоящее время многие российские лингвисты, в первую очередь И. Г. Милославский и представители его научной школы, рассматривают создание активной грамматики русского языка в качестве “важнейшей научной и общественной задачи современной русистики”: “Отсутствие грамматики русского языка для продуктивных речевых действий — серьезный пробел в отечественной науке и, более того, в культуре” [Милославский 2002: 96, 100]. Особенно значим продуктивно-грамматический подход для тех сфер прикладной русистики, где ценится использование возможно меньшего количества исходных единиц и правил оперирования этими единицами — прежде всего в преподавании русского языка как иностранного и при решении разнообразных задач компьютерной лингвистики. В частности, на уровне словообразования продуктивная грамматика ориентиро-

вана на “построение таких словообразовательных моделей, которые экономно и корректно представляли бы основные закономерности словопроизводства, позволяя тем самым поставить задачу “компрессии” (“сжатия”) всего словаря или его части до некоторого множества базовых слов и правил вывода из них слов производных” [Волков 1988: 19]. Эти модели принципиально обеспечивают решение проблем словообразовательного синтеза — синтеза производного слова от имеющегося по заданному семантическому различию. Вместе с тем, в грамматической системе русского языка деривационные акты представлены, как известно, не только на уровне слов, но и на уровне синтаксических единиц. В части последних продуктивная грамматика ориентирована на решение проблем синтаксического синтеза — синтеза предложения с заданным семантическим содержанием.

Таким образом, поскольку продуктивная грамматика в принципе предназначена прежде всего для обеспечения порождения слова и предложения с заданными семантическими или синтаксическими свойствами, первостепенное значение для нее имеют именно деривационные задачи. На решение этих задач нацелена важнейшая отрасль продуктивной грамматики — **продуктивная дериватология**. Продуктивная дериватология представляет собой деривационный компонент продуктивной грамматики, содержание которого составляют исследование и моделирование деривационных отношений между языковыми единицами в аспекте активных видов речевой деятельности. Методом решения деривационных задач в продуктивной грамматике является синтез языковых единиц — алгоритмизированная процедура “сборки” единиц с заданными семантическими свойствами из заданных составляющих. Деривационный компонент продуктивной грамматики включает две части — словообразовательную и синтаксическую; метод решения словообразовательных задач — словообразовательный синтез (см. об этом: [Милославский 1980]), метод решения деривационных синтаксических задач — синтаксический синтез. В комплексном описании продуктивной деривационной деятельности частные модели словообразовательного и синтаксического синтеза взаимно связаны и, вместе взятые, составляют общую модель деривационного син-

теза модифицированной лексической единицы и семантически и синтаксически корректно включающей ее синтаксической единицы. При этом продуктивная дериватология представляет процессы деривационного синтеза в форме лингвистических алгоритмов. Под деривационно-синтетическим алгоритмом мы понимаем конечный набор взаимосвязанных правил (предписаний), обеспечивающий последовательное механическое решение любой задачи из класса однотипных деривационно-синтетических задач. Обсуждаемые алгоритмы могут быть оформлены как развернутые схемы многоступенчатого, “пошагового” оперирования с исходными данными на основе программы действий вопросно-ответного характера. Частные операции консолидируются в блоки, каждый из которых соответствует определенному этапу решения поставленной “идеальной” деривационно-синтетической задачи (см. пример деривационно-синтетического алгоритма в работе [Шарафутдинов 1998]). Такая алгоритмическая модель деривационного синтеза дает продуценту речи принципиальную возможность (если эту возможность вообще допускает лексико-грамматическая система современного русского языка) в полной мере реализовать свой замысел, свою идею, с учетом требования грамматической правильнооформленности этой реализации.

Перед продуктивной грамматикой стоят задачи двух типов.

Общая задача продуктивной грамматики — технологическое лингвистическое обеспечение продуктивной речевой деятельности. Продуктивная речевая деятельность в целом направлена на выражение разнообразной информации (интеллектуального и эмоционального характера), исходящей от продуцента речи. Ключевое лингвистическое средство выражения мысли или чувства человека — это предложение (точнее, высказывание — как коммуникативная единица, которая в частном случае вполне может не иметь формальной организации предложения и значения предикативности; ср. разного рода коммуникативные аналоги предложения — формулы речевого этикета, междометные высказывания в рамках диалогической речи, выражающие реакции участников общения и т. п.). Именно предложение с его индивидуальным лексическим наполнением и интонационным контуром является основной операциональной единицей рече-

вой деятельности. Таким образом, обеспечение продуктивной речевой деятельности в целом фактически означает обеспечение порождения (построения) грамматически и интонационно нормативно оформленных предложений (и — далее — текстов) с заданным продуцентом речи семантическим содержанием.

В свою очередь, общая задача продукции предложений, удовлетворяющих требованиям грамматической (и интонационной) правильнооформленности и семантической адекватности замыслу продуцента речи, включает разнообразные частные продуктивно-грамматические задачи. В самом общем виде продукция предложений связана с решением двух основных проблем.

Первая проблема — это обеспечение соответствующего замыслу продуцента лексического наполнения предложения, т. е. обеспечение тех реально существующих лексических единиц русского языка, грамматические формы которых, далее, составят искомое предложение. Мы исходим из идеи о том, что русское предложение состоит не из слов как таковых (лексем в грамматическом смысле), а исключительно из словоформ: как известно, слово в этой оппозиции выступает как парадигма, как абстрактная языковая единица, представляющая собой полный набор позиционно чередующихся конкретных, частных единиц; словоформа же и есть такой частный член этого парадигматического ряда, позиционный представитель лексемы в тексте. В соответствии с этим в реальном предложении нет и не может быть слов как таковых, имеют место лишь их конкретные грамматические формы, выбор которых так или иначе обусловлен в рамках предложения — со стороны синтаксического окружения единицы; следует подчеркнуть, что и главные члены предложения — подлежащее, сказуемое и даже главный член одноставного предложения — всегда тоже только словоформы, причем словоформы вполне конкретные, предопределенные структурным типом, моделью конструкции (структурной схемой) предложения. Синтаксис предложения “заставляет” слова-абстракции выступать в “конкретном” виде — принимать какие-либо морфологические формы (см. соответствующую трактовку компонентного состава предложения, например, в [Белашапкина 1997]).

Из вышеизложенного следует, что вторая важнейшая проблема, возникающая в рамках продукции предложений, — это образование таких грамматических форм уже найденных лексических единиц, которые принципиально обеспечивают синтаксические соединения, “связывания” этих лексических единиц в соответствии с грамматическими нормами современного русского языка. Как правило, грамматическая форма лексической единицы определяется соответствующей синтаксической позицией в составе модели продуцируемого предложения. Замещение всех синтаксических позиций реальными словоформами ведет к построению предложения в целом.

Таким образом, в модели продуцируемого предложения представлены позиции двух типов: лексические позиции и синтаксические позиции. Лексические позиции — это позиции лексических (лексико-семантических) единиц, лексико-семантических вариантов слов, **лексически** обеспечивающих воплощение замысла продуцента речи. Синтаксические позиции — это позиции грамматических (морфологических) единиц, морфологических форм слов, **грамматически** обеспечивающих воплощение замысла продуцента речи. В соответствии с этим в рамках обсуждаемого грамматического описания продукция предложения должна иметь некоторое лексическое и грамматическое обеспечение в виде двух рядов позиций компонентов этого предложения. Замещение позиций каждого ряда формирует соответствующую сторону организации предложения.

Деривационная деятельность продуцента речи, нацеленная на построение предложения, складывается из двух основных частей: 1) обеспечение лексического состава предложения — замещение лексических позиций (лексико-словообразовательный блок); 2) обеспечение синтаксического соединения единиц этого лексического состава — замещение синтаксических позиций (синтактико-словоизменяемый блок).

Рассмотрим внутреннее устройство каждого из этих проблемных блоков подробнее.

1. Обеспечение состава лексических единиц предложения.

Очевидно, что эти лексические единицы в принципе могут быть известны или неизвестны продуценту речи. При этом известными или неизвестными могут быть как все лексические единицы, так и лишь

часть из них. В том случае, когда лексические единицы уже известны, проблема лексического наполнения предложения в части соответствующих позиций фактически снимается (ситуацию может осложнять феномен лексической синонимии: когда известен ряд синонимичных, функционально эквивалентных единиц, встает задача выбора одной из них — наиболее “подходящей”, в максимальной степени соответствующей замыслу продуцента). Если необходимые единицы неизвестны продуценту речи вообще, встает задача их нахождения (получения) тем или иным способом.

Неизвестная продуценту речи (но реально существующая в современном русском языке) лексическая единица может быть либо непрямой, либо производной (в словообразовательном понимании термина). В первом случае встает задача выбора необходимой единицы из словаря. Задача решается при помощи списка “готовых” единиц. Во втором случае существуют два способа обеспечения заполнения лексической позиции: либо также словарный, “списочный”, предусматривающий поиск уже “готового” производного слова в словаре; либо собственно грамматический, словообразовательный (в смысле — “словообразующий”, “словопроизводящий”, “словосинтезирующий”), предполагающий образование слова на основе определенных правил, алгоритмических предписаний.

Таким образом, две продуктивно-грамматические задачи рассматриваемого блока — (1.1) обеспечение в качестве компонента предложения непрямой лексической единицы и (1.2) обеспечение в качестве компонента предложения производной лексической единицы — характеризуются привативным соотношением способов их решения. Первая задача, в отличие от второй, допускает только словарный способ. Продуктивная грамматика исходит, в частности, из идеи о том, что все непрямые слова должны быть заданы продуценту речи списком, поскольку в условиях реальной продуктивной речевой деятельности (а не научно-исследовательской работы или учебного занятия!) получение их при помощи каких-либо алгоритмических правил (например, путем словообразовательного анализа дериватов первой ступени словопроизводства) не представляется целесообразным и практически возможным.

Возникает вопрос: почему таким образом должны быть заданы именно непрямые слова?

Очевидно, что продуктивная грамматика должна опираться на некоторый корпус исходных языковых единиц, так или иначе преобразуя и комбинируя которые, она обеспечивает переход от замысла продуцента к воплощающему этот замысел предложению. В качестве со-

ставных частей такого корпуса исходных данных выступают значащие единицы фактически всех уровней языковой системы: уровня двусторонних частей слов (морфы), уровня слов (лексико-семантические варианты и грамматические формы слов), уровня синтаксических единиц (грамматические модели построения предложений, средства синтаксических связей, средства актуального членения высказывания), фонетического (точнее — просодического) уровня (интонационные средства).

В свою очередь, лексическая часть исходных данных теоретически могла бы быть различной по признаку словообразовательной производности / непроизводности формирующих ее единиц. В эту часть исходных данных имеет смысл помещать либо только непроизводные единицы, либо и непроизводные, и производные, т. е. вообще все лексические единицы. Последний вариант фактически представляет собой словарный (списочный) способ решения всей проблемы лексического наполнения предложения. В этом случае деятельность продуцента речи сводится к поиску всех неизвестных ему лексических единиц в словаре. Включение же в состав исходных данных лишь производных лексических единиц (пусть даже только первой ступени словопроизводства, т. е. образованных непосредственно от непроизводных) при невключении непроизводных представляется совершенно искусственным решением, нелогичным и неэффективным по двум причинам: во-первых, это резко увеличивает объем данных, поскольку производных слов в русском языке значительно больше, чем непроизводных; во-вторых, как правило, производные слова устроены в различных отношениях сложнее непроизводных. Применение деривационно-синтетического подхода теоретически и практически оправданно прежде всего в такой исходной ситуации, в которой “даны непроизводные слова и индекс словообразовательных средств, требуется получить производные слова, реально существующие в русском языке” [Милославский 1980: 128].

2. Обеспечение нормативного синтаксического соединения лексических единиц в составе предложения.

Фактически вопрос стоит так: каким образом получить из набора лексических единиц *после, работа, мы, с, коллега, пойти, на, концерт, в, филармония* предикативную синтаксическую единицу *После работы мы с коллегами пойдем на концерт в филармонию*, обладающую полноценной формальной, смысловой и коммуникативной организацией?

В конечном итоге речь идет о синтезировании предложений. Продуктивно-грамматические задачи этого этапа — (2.1) образование предусматриваемых соответствующими синтаксическими позициями

грамматических форм лексических единиц, теперь уже выступающих в начальных формах в части “дано” (среди прочих исходных данных); в результате этой процедуры формируется часть предложения, в которой словоформы синтаксически соединены при помощи внутрисловных средств синтаксической связи — окончаний; (2.2) синтаксическое соединение словоформ при помощи внесловных средств синтаксической связи — предлогов и союзов; (2.3) интонационное оформление и выражение актуального членения высказывания, соответствующего коммуникативной интенции продуцента речи. В случае построения сложного предложения в качестве “строительного материала” выступают уже не словоформы, а простые предикативные единицы.

В результате решения первых двух задач формируется предложение как структурно-семантическая единица. В результате решения третьей задачи эта единица получает определенную коммуникативную организацию, становится полноценным средством речевого общения (высказыванием).

Задачи этого блока решаются деривационно-синтетическим способом: образование словоформ осуществляется на основе морфологического синтеза (соединения родовых, числовых, падежных, личных и т. д. флексий с соответствующими основами) (см. об этом: [Милославский 1981: 11-12]), формирование предложений-высказываний — на основе синтаксического синтеза.

Таким образом, можно выделить два блока частных продуктивно-грамматических задач: лексический (семантический) и синтаксический (сочетаемостный). Существуют два пути, два принципиально различных способа решения: словарный (списочный) и деривационно-синтетический (алгоритмический). Применение того или иного способа решения обуславливается характером конкретной задачи. Задачи первого блока в принципе допускают оба способа, задачи второго блока решаются только деривационно-синтетическим способом. При решении “сверхзадачи” продукции полноценного русского предложения с заданной семантикой вполне могут быть задействованы все виды синтеза языковых единиц — словообразовательный синтез (продукция слов), морфологический синтез (продукция словоформ), синтаксический синтез (продукция предложений-высказываний).

Литература

Белошапкина В. А. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапкиной. 3-е изд. М., 1997.

Белошапкина В. А., Милославский И. Г. Вопросы идеографической грамматики русского языка // Идеографические аспекты русской